

умирающий отъ ядовитаго кинжала Сесили, и Родольфъ, спасаемый отъ той же смерти,—эффектъ. Лучше всѣхъ другихъ злодѣевъ изображены—вдова Марсаль (не вездѣ, впрочемъ, выдержанная), дочь ея Тиква (очень хорошо очерченная) и Скедъ. Графиня Макъ-Грегоръ обрисована довольно удачно, хотя и переутрирована; но братецъ ея Томъ очень похожъ на болвана, съ которымъ играютъ въ вистъ, когда недостаетъ четвертаго. Онъ потому только вертится въ романѣ, что безъ него Саръ нельзя таскаться по кабакамъ и харчевнямъ...

Что же, спросятъ насъ, неужели въ «Парижскихъ Тайнахъ» нѣтъ ничего хорошаго, и есть только одно дурное? Нѣтъ, въ цѣломъ этотъ романъ—верхъ нелѣпости, но частности въ немъ недурны. Таковы характеры—Рѣзака (впрочемъ, невыдержанный), Марсала и особенно Волчихи, Пикъ-Венегра, Риголетты, доктора Грифона, г. и г-жи Пипле. Не дурны нѣкоторые эпизоды, какъ-то: рассказъ въ тюрьмѣ Пикъ-Венегра, страданія баронессы Фермонъ и ея дочери, картина страданія семейства Морель, исторія Луизы, сцены на островѣ Грабителя. Но все это не болѣе какъ не дурно, и во всемъ этомъ виденъ не даровитый живописецъ-творецъ, а ловкій ученикъ академii, набившій руку, присмотрѣвшійся къ картинамъ мастеровъ и кое-какъ умѣющий съ плеча чертить фигуры, инныя такъ себѣ—не дурныя, а инныя очень плохія, и никогда не умѣющий написать ничего полнаго и стройнаго. Много, что въ русскомъ писателѣ показалось бы талантомъ, во французскомъ—не болѣе, какъ образованность, навыкъ, привычка. Языкъ французскій до того выработанъ, что рѣдкій французъ не умѣетъ прекрасно владѣть имъ; стихи общественной жизни до того разнообразны и опредѣленны, что есть, откуда брать готовые материалы для сочиненій—умѣй лишь копировать хорошо; литература французская до того богата, что всякому легко блистать чужимъ умомъ и чужимъ талантомъ при небольшомъ количествѣ своихъ собственныхъ.

Но въ цѣломъ, повторяемъ, романъ Эжена Сю—верхъ нелѣпости. Большая часть характеровъ, и при томъ самыхъ главныхъ,—безобразно нелѣпа, событія завязываются насильно, а развязываются посредствомъ *deus ex machina*. Мы уже говорили о томъ и другомъ; прибавимъ еще нѣсколько чертъ касательно послѣдняго. Многочисленные дѣйствующія лица поставлены въ насильственные отношенія другъ къ другу. Такъ, напримеръ, Полидори развращаетъ Родольфа въ его юности, помогаетъ Саръ Макъ-Грегоръ,—и онъ же помогаетъ потомъ г-жѣ Роланъ отравить графиню Дорбиньи, мать маркизы Дорвилъ; сверхъ того онъ—сообщникъ Жака Фер-

рана во всѣхъ его злодѣйствахъ и участвовалъ въ гибели семейства Фермонъ: видите ли, какой гордѣвъ узелъ разныхъ хитросплетеній! Но всезнающий, вездѣ успѣвающий великій Родольфъ не хуже Александра Македонскаго справляется съ этимъ узломъ. Случайная покупка комода на толкучемъ рынкѣ и попавшееся въ немъ письмо наводятъ Родольфа на слѣды баронессы Фермонъ; а квартира въ домѣ «Красной Руки» даетъ ему возможность напасть на слѣды Полидори, котораго онъ узнаетъ въ ложномъ Брадаманти, и во-время послать Мурфа въ Нормандію для спасенія глупаго графа Дорбиньи отъ яда. Въ самомъ дѣлѣ, опоздай маркиза Дорвилъ съ Мурфомъ хоть минутой—графъ Дорбиньи былъ бы отравленъ. Такимъ же точно образомъ Родольфъ успѣлъ заблаговременно узнать о злодѣйскихъ умыслахъ Скедета и другихъ преступниковъ на жизнь Жермена; кстати воротился тутъ Рѣзака, о которомъ Родольфъ думалъ, что онъ уже въ Африкѣ, и очень успѣшно и еще болѣе эффектно защитилъ Жермена. Смерть самого Рѣзаки восполняла также очень эффектно: во-первыхъ, онъ умеръ за своего благодѣтеля, и во-вторыхъ, умеръ отъ ножа, которымъ самъ убивалъ другихъ. Отчего же Мастакъ не погибъ отъ ножа и даже нашелъ себѣ вѣрное пристанище въ домѣ умалишенныхъ? За рассказаніе?—Но вѣдь Рѣзака тоже раскаялся и еще искреннѣе, не говоря уже о томъ, что онъ никогда не былъ такимъ извергомъ, какъ Мастакъ? Отчего же Сычиха погибла отъ рукъ, а не отъ кинжала, которымъ она въ этотъ же день смертельно ранила графиню Сару Макъ-Грегоръ? А знаете ли, зачѣмъ она ее ранила?—Затѣмъ, чтобы дать Родольфу возможность жениться на маркизѣ Дорвилъ. За тѣмъ же застрѣлился и маркизъ Дорвилъ... Какъ все это пошло!

Нѣкоторые смотрятъ на «Парижскія Тайны», какъ на дидактическій романъ, и доказываютъ ими возможность и законность дидактическаго рода поэзіи. «Парижскія Тайны» дѣйствительно—романъ дидактическій, но онъ-то именно и доказываетъ невозможность и незаконность дидактическаго рода поэзіи. Однако жъ, скажутъ намъ,—этотъ романъ достигъ своей цѣли. Правда, онъ заставилъ общество потолковать нѣсколько времени о народѣ—до новой новости; можетъ быть даже, что вслѣдствіе его французскіе законодатели поторопятся подумать о какихъ-нибудь способахъ къ улучшенію участи несчастныхъ бѣдняковъ,—и въ такомъ случаѣ романъ полезенъ; но тѣмъ не менѣе онъ все-таки не романъ, а сказка, и при томъ довольно нелѣпая. Если бъ кто-нибудь, узнавъ о тайномъ убійствѣ, написалъ повѣсть, которая навела бы полицію на слѣды преступления,—посту-